

УБИТ НЕ НА ВОЙНЕ

Дикость и непостижимость случившегося ошеломила, а боль в сердце не отпускает. Еще недавно от имени правления Санкт-Петербургской организации Союза писателей России я поздравил его с 60-летием, затем писал, звонил, приглашал в гости, радовался его творческим удачам и новым необычным задумкам. Но реальность неумолимо беспощадна. Зверски убит известный прозаик и общественный деятель Евгений Евстафьевич Куренной, двадцать лет возглавлявший Читинскую областную писательскую организацию, входивший все последние годы в правление Союза писателей России. Убили его 21 апреля 1997 года, а нашли и похоронили лишь 8 мая. До тех пор жена и дети без устали, хотя и со слабеющей надеждой, продолжали поиски. Младший, еще школьник, успокаивал поседшую в одночасье мать:

— Папа — таежник! Он не может просто так пропасть! И лихих людей, если б они напали, не подпустит к себе близко...

Подпустил. Ибо поверил, как всегда верил людям в военной форме. Еще с тех далеких времен, когда ребенком из шахтерского поселка на Донбассе пережил войну. Его первые крупные произведения, замеченные критикой, и были о войне, увиденной детскими глазами, — повести «Скирды горят» и «Трофейная овчарка». Потом были десятки других книг: прозаических, очерковых, детских, где он с неповторимым, свойственным ему лиризмом стремился «разглядеть, как посреди житейской суеты, в паутине мелочей, умерщвляющих душу, в человеке бунтует человеческое». О бунте и победе в человеке живого начала, о социально-биологических мутантах, потерявших, так и не найдя, человеческий облик, он почти не писал напрямую. Разве что — в проникновенной и всегда актуальной публицистике.

Но вот в последней его книге, присланной мне из Читы, есть небольшой, но емкий и страшный даже при нынешних пещерных нравах рассказ — «Не на войне». Там над молодым солдатом Пчелкиным — тихим, домашним, образованным — вовсю издеваются сослуживцы-«деды». Угрожая при этом убить его, если вдруг пожалуется. И когда молодой солдат, доведенный до отчаяния, жалуется безразличному ко всему лейтенанту — убивают. Ночью, на кухне, с изуверской изощренностью, садистски продуманно, а потому и в итоге и безнаказанно. У самодовольных и жестоких убийц этих нет в рассказе имени,

фамилии, но они узнаваемы. Это — сформировавшиеся, зачастую уже судимые уголовники, призыв в армию возрос за последние годы в несколько раз. Оттого и казарма кое-где стала походить на лагерный барак. Объяснение этому простое и всем известное: каково общество — такова и армия. И я, прослуживший свыше тридцати лет в этой армии, бывшей некогда поистине школой жизни, имею право судить об этом. Так как вместе с нею со стыдом и болью пережил и переживаю величайшую трагедию ее позорного осквернения, нарочитого унижения и обмана, осмысленного и злонамеренного развала.

Евгений Куренной всегда сочувствовал армии. Как гражданин, писатель, офицер запаса. Среди военных у него было много друзей, а сам он в армейской аудитории — частым и желанным гостем. На одной из таких встреч он подчеркнул: «Воспитывать уважение к армии, к защитнику страны нужно с малых лет, когда дети доверчивы, талантливы, добры». А затем добавил: «Армейская среда, о которой рассказывали нам Пушкин и Лермонтов, Толстой и Куприн, не была однородной — в семье не без урода, как говорят. Но в основе своей эта среда обладала высочайшими качествами, на которых держались сила, традиции, героизм русской армии».

Что стало с силой и традициями Российской армии, у которой подорвана государственная основа, сегодня хорошо известно. И не только нам, офицерам. Дезертиры же прошлых времен, эти «семейные уроды», вряд ли читали Пушкина и Толстого, как и дезертиры нынешние — Куренного. Но, забравшись к нему в дом дачного кооператива близ Читы, они не могли не знать, что неприязненное жилище это принадлежит не разбогатевшему блатарю, не преуспевающему «новому русскому», а живущему единственно нелегкими трудами своими, да к тому же не молодому уже писателю. Опились и обьевавшись краденным, они в каком-то тупом иступлении жгли его книги, ноты, рукописи, в том числе — рукопись новой, только-только законченной повести.

Что они чувствовали, о чем думали в те часы, лишь можно себе с омерзением представить. Они не спешили, не опасались, видно, погони, поисков, а ждали хозяина, так как знали: есть гараж, должна быть скоростная машина. Хотя желание завладеть ею засело,

Евгений КУРЕННОЙ.

быть может, в одурманенных головах в последний момент, спонтанно.

21 апреля он приехал к себе на дачу работать. Был спокоен и умиротворен завершением повести, полон сил и планов на предстоящее лето — писательских, общественных, семейных. Ставя машину, не заметил, как из-за дома появились два солдата с горелкой в руках. Подошли и спросили:

— У вас бензина не найдется? Мы тут неподалеку работаем...

Солдаты как солдаты, отчего же не помочь? Он нагнулся, чтобы достать из багажника канистру, и в этот момент на его голову обрушился топор. Оглушенного, но еще живого, его зарезали ножом.

Пьяные, в раскristанной солдатской форме, они лихо мчались в его выдавшем виды «жигуленке», горланя песни. Закопав свою жертву в лесу, неподалеку от пригорода Читы Каштака, они двинулись к себе на родину, в Иркутск. Пронесли через села и поселки, сквозь посты и заслоны ГАИ и военной автоинспекции. Никто не остановил их до самого Улан-Удэ, где они машину бросили. Взяли их позднее, в Иркутске. Припертые к стенке неопровержимыми доказательствами, дезертиры во всем признались и показали место погребения убитого.

Евгения Куренного хоронили тысячи людей. Все они были в шоке. Погиб не на войне, не в катастрофе или от несчастного случая, а мирным весенним днем под стенами выстроенного собственными руками дома талантливого писателя, публициста, музыканта. Убит человек, который помог несчетному числу начинающих литераторов стать профессионалами. Светлый, отзывчивый, с ясным аналитическим умом, он жил полнокровно, любил людей и ставшей родной сибирскую землю с ее

уникальной природой. Непосредственным участием в переустройстве жизни, значимыми поступками, самым творчеством своим он не только навсегда вошел в современную историю Забайкальского края, но и во многие личные судьбы. В том числе и мою творческую и человеческую судьбу.

Подлое и трусливое, из-за спины, убийство это молодыми и здоровыми нелюдьми с обычными русскими фамилиями — Козлов и Решетников — заставило в сотый раз задаться проклятыми вопросами. Да в каком же, наконец, государстве мы живем? Почему преступники лишают жизни — походя, цинично, не боясь ответственности — всякого, кто оказался в роковой час на их пути? Отчего Россия, ввергнутая политическими и экономическими катаклизмами в пучину массовой безнравственности и массового, невиданного досель криминала, уступила домогательствам Совета Европы и решилась-таки отменить смертную казнь? Хотя многие члены Евросоюза — несравненно более благополучные и цивилизованные — высшую меру наказания до сих пор сохранили. Когда все же наступит конец этому глобальному, от столиц до провинции, уголовному беспределу? Почему два отпетых негодяя, уже однажды дезертировавших из воинской части, были прощены, а потому дезертирство, тягчайшее воинское преступление, совершили повторно? Как вообще они оказались в армии, если за одним из них числилось на «гражданке» изнасилование малолетней, а за другим — рэкет?..

Неоправимое горе, которое испытывают в эти дни родные, близкие и друзья Евгения Куренного, — это личное горе. Но само по себе вызывающее убийство, как явление теперешней действительности, личным делом быть не может. Резонанс от него в регионе огромный. Но есть опасение, учитывая печальный опыт раскрытия некоторых прежних нашумевших убийств, что резонанс этот умякшимся эхом затихнет где-нибудь в Читинской военной прокуратуре, — длятся подобные следственные дела месяца и даже годы. А потому, выражая мнение многих моих собратей по перу, обращаюсь к Генеральному прокурору Российской Федерации Юрию Ильичу Скуратову с просьбой взять это расследование под особый контроль. Убежден, что возмездие должно быть не только законным, неминуемым, но и показательно-оперативным. Чтобы грабители, убийцы, насильники, вся эта расплодившаяся, воспрянувшая, а то и возвысившаяся уголовная мразь знала: справедливость обязательно, и притом скоро, восторжествует. Иначе никто и никогда в стране у нас не будет застрахован от топора, ножа, взрыва или пули.

Аркадий БЕЛЫЙ,
полковник,
член Союза писателей России

г. САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Куренной Евгений Евстафьевич
6.06.97